

В. Обнинский

Новый строй

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Обнинский**
Новый строй: Часть 2 / В. Обнинский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
178 с.

ISBN 978-5-458-10944-4

Часть 2. Реакция В своем очерке автор стремился дать описание современного состояния России, показать мощный, не закончившийся процесс разложения государственной власти. В обзоре наряду с официальными документами он оперировал сообщениями, хотя и не опровергнутыми, но остающимися на ответственности их оглашавших.

ISBN 978-5-458-10944-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

на митинги собираются, какъ въ походъ, вооружаясь чѣмъ придется; случается, что ораторскіе періоды прерываются учебной стрѣльбой боевыхъ организаций, на которую являются войска или стражники; митингъ сразу переходитъ въ правильный бой, пока участники его не разбѣгаются, оставляя врагу трофеи въ видѣ немудреныхъ красныхъ флажковъ, брошюръ, въ родѣ «Тактика уличнаго боя», да раненыхъ соратниковъ (Кострома и др.). Принимаются, наконецъ, и такія радикальныя мѣры, какъ приказъ Кременчугскаго ген.-губернатора о разгонѣ сходокъ на днѣпровскихъ островахъ орудіейнымъ огнемъ; а въ Петербургѣ возобновляется обученіе городовыхъ стрѣльбъ изъ пулеметовъ, въ очевидномъ предположеніи, что войска не всегда будутъ подъ рукою при подавленіи городскихъ волненій. По мѣрѣ проникновенія въ провинцію вѣсти о роспускѣ Думы, крестьяне также собираются на митинги, но лишь съ цѣлью потолковать о крушеніи надеждъ своихъ на нее, да послушать своихъ депутатовъ, вернувшихся домой значительно развившимися политически; немалое число ихъ вскорѣ было привлечено за свои рѣчи, въ коихъ неопытные и искренніе ораторы нерѣдко употребляли привычныя по прежней жизни крѣпкія слова по адресу лицъ, раньше казавшихся недосягаемыми. Здѣсь же снаряжались и ходоки для провѣрки извѣстія о роспускѣ; и несмотря на то, что печатное слово для этого класса имѣеть чужъ не непреложное значеніе, такъ трудно было согласовать слова обращенія Государя Императора къ первымъ депутатамъ въ Зимнемъ дворцѣ съ перечисленіемъ ихъ дѣяній въ манифестѣ 9-го іюля,—дѣяній, казавшихся крестьянамъ, быть можетъ, простымъ исполненіемъ депутатскихъ обязанностей,—что около сотни ходоковъ прибрели со всѣхъ концовъ Руси убѣдиться въ томъ, что Таврической дворецъ наглухо и надолго запертъ. Что касается до черныхъ сотенъ, то, несмотря на значительную свободу, имъ предоставленную, онѣ мало пользовались открытымъ словомъ, предпочитая ему испытанную пропаганду въ городскихъ низахъ путемъ спаиванія, раздачи денегъ и оружія.

Въ интеллигентскихъ сферахъ, ожидавшихъ роспуска и вообще сдержанныхъ, проявленія возмущенія носили болѣе внушительный характеръ; послѣ всеобщаго удовлетворенія, вызваннаго демонстративнымъ отклоненіемъ Гос. Совѣтомъ ассигновки 50 милліоновъ въ распоряженіе г.г. Гурко и Лидваля, истолкованнаго, какъ выраженіе недовѣрія кабинету со стороны Монарха и законодательныхъ палатъ, роспускъ Гос. Думы приобрѣлъ особое значеніе. Начиная съ демонстративныхъ выходовъ изъ церквей, гдѣ священники читали манифестъ о роспускѣ, поясняя его указаніями на «подкупъ Думы евреями и поляками», и до выхода изъ Гос. Совѣта членовъ партіи народной свободы, профессоровъ Вернадскаго, Лаппо-Данилевскаго, Ба-

галѣя, Боргмана, академика Шахматова, Перелешина, Шишкова, кн. Кучумова и др.,—на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы такъ или иначе выказывали отношеніе свое къ совершившемуся акту, который многіе склонны и до сего времени считать такимъ же *coup d'état*, какъ и избирательный законъ 3-го іюня 1907 года. Бывшіе депутаты окружены были особымъ вниманіемъ; съ одной стороны ихъ чествовали, съ другой охраняли отъ чествованій разными способами, до арестовъ и высылкохъ включительно. За деп. Садыринимъ неотступно ѣздили становые и стражники, обыскамъ подверглись Бондыревъ, Иваницкій и многіе другіе. При попыткѣ арестовать Дитта, саратовскаго депутата, въ Камышинѣ ударили въ набатъ, тысячная толпа собралась, чтобы помѣшать аресту. Арестованы были Кукуновъ, Бибииковъ, Кутومانовъ, Витковскій; въ пензенскомъ селѣ Каменкѣ, при попыткахъ арестовать деп. Врагова, происходили кровопролитія; дошло дѣло до убійства исправника, пришлось двинуть цѣлый отрядъ для усмиренія расходившихся крестьянъ. Въ городахъ, повсюду, демонстраціи были культурнѣй, хотя культурность эта оставалась односторонней. Такъ, когда члены англійскаго парламента и многіе видные представители англійскаго общества и прессы захотѣли отправить въ Петербургъ делегацію съ адресомъ бывшей Государственной Думѣ, здѣсь поднялась такая недостойная травля въ такъ наз. «правой», рептильной прессѣ, такъ разнуздались черносотенные комитеты Дубровина, Грингмута и др., такія, часто оригинальныя, мѣры были приняты къ недопущенію всякихъ собраній съ делегатами, что намѣреніе, съ обоюднаго рѣшенія, было оставлено; нечего пояснять, что чувства солидарности, симпатіи къ народнымъ представителямъ по ту сторону русской границы могли только усилиться и окрѣпнуть отъ этого неумнаго шага, что и сказалось при приѣмѣ депутатовъ третьей Думы въ 1909 году; даже разношерстная делегація, съ такими членами, какъ гр. Бобринскій, А. Гучковъ и др. представителями правыхъ, немало помогла закрѣпленію русскаго конституціонализма, къ вящему гнѣву оставшихся дома черносотенцевъ, какъ разъ къ этому времени прочно уже пристегнутыхъ къ политическимъ убійствамъ по найму. Не успѣли забыть объ англійской делегаціи, какъ надѣлали шума съ тостомъ камеръ-юнкера Сабурова, на лицейскомъ обѣдѣ вспомнившего о профессорахъ-депутатахъ, Муромцевѣ, Набоковѣ и др.; воспитанники привилегированной школы кидались на Сабурова, обезумѣвъ отъ наплыва того же своеобразнаго патріотизма, который привелъ нѣсколько позднеѣ толпу черносотенцевъ къ окнамъ корсетной мастерской Эстеръ, сподвижницы Лидваля, съ пѣніемъ «Святый Боже». Въ эти угарные мѣсяцы многіе словно спустили съ себя тотъ непрочный налетъ цивили-

лизованности, за которымъ еще Наполнонъ I провидѣлъ «татарина», и можно было бы много привести случаевъ несдержанности и политической невоспитанности извѣстной части русской интеллигенции; невольно хотѣлось сопоставить ее съ классомъ, стоящимъ ближе къ народу: отказъ простыхъ кузнецовъ ковать кандалы для тюремъ, или наборщиковъ отъ набора черносотенныхъ прокламаций и т. под., носили на себѣ признаки политической зрѣлости, до которой далеко было союзу русскаго народа. Мы не говоримъ уже о забастовкахъ рабочихъ; послѣдніе платились за выраженіе сочувствія товарищамъ изъ Думы и демонстрацію своихъ взглядовъ не только боками, какъ Сабуровъ, но и карманами, которые опустошались съ каждымъ безработнымъ днемъ; и, тѣмъ не менѣе, осень 1906 г. ознаменовалась рядомъ политическихъ забастовокъ во всѣхъ промышленныхъ районахъ, пока, наконецъ, голодъ не загналъ рабочихъ опять въ хозяйскія лапы, которыя и наверстали затѣмъ съ лихвой всѣ уступки [1905 года. Впрочемъ, наверстали безъ видимой пользы для себя: русская промышленность быстро и безостановочно сходила сама въ область разоренія и краховъ.

Итакъ, повсемѣстно и во всѣхъ классахъ населенія наблюдалось то же оппозиціонное настроеніе, та же легкая возбудимость, та же тревога за всякій грядущій часъ. Дѣйствительность и не обманывала ожиданій, неся чуть не ежедневныя событія, которыя могли бы, казалось, вызывать правительство на серьезныя размышленія. Не успѣла улеяться боязнь его за послѣдствія роспуска Думы среди крестьянства, какъ одинъ за другимъ, словно выстрѣлы скорострѣльнаго орудія, послѣдовали мятежи въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, на броненосцахъ Балтійской эскадры и во многихъ частяхъ сухопутной арміи. 17-го іюля произошло возмущеніе минной роты въ Свеаборгѣ, якобы вслѣдствіе намѣренія арестовать 200 человекъ изъ ея состава, но на дѣлѣ во исполненіе опредѣленнаго плана революціонныхъ организаций. 18-го іюля возставшіе завладѣли всею почти крѣпостью, арестовали вѣрныхъ долгу офицеровъ и начали бой съ судами, стоявшими на рейдѣ. Положеніе усложнялось тѣмъ, что такъ наз. «красная гвардія» финновъ (соц.-дем. организація) воспользовалась случаемъ выступить противъ буржуазныхъ классовъ и произвела рядъ опустошеній на желѣзной дорогѣ изъ Петербурга и въ самомъ Гельсингфорсѣ. Объявлена была и всеобщая забастовка, вскорѣ, впрочемъ, сорванная. 19-го мятежники заняли рядъ укрѣпленныхъ острововъ и потѣснили шесть ротъ пѣхоты, боровшихся еще противъ нихъ, до западнаго конца «Чернаго» острова. Только послѣ появленія на морѣ учебнаго отряда судовъ дѣло приняло для осажденныхъ иной оборотъ; орудія Свеаборга, болѣе служившія декоративнымъ, нежели военнымъ цѣлямъ, не могли бороться съ даль-

бойной артиллеріей броненосцевъ и въ полдень 20-го іюля крѣпость сда-лась, при чемъ часть главарей бунта успѣла скрыться на лодкахъ и вплавь, а затѣмъ эмигрировать черезъ Швецію. Вечеромъ того же 20-го іюля вспыхнулъ бунтъ въ Кронштадтѣ, среди 4 и 5 морскихъ экипа-жей, при чемъ были ранены адмиралъ Бекдемишевъ и нѣсколько офи-церовъ; мятежники, къ которымъ примкнула часть саперъ, пытались поднять весь гарнизонъ крѣпости, но это не удалось по той же при-чинѣ, по какой и всѣ вообще мятежи этихъ лѣтъ оставались частич-ными и неудачными попытками: у солдатъ не было руководителей-офицеровъ; отдѣльные чины офицерскаго корпуса, замѣшанные въ мя-тежахъ, не были извѣстны солдатскимъ массамъ и не пользовались даже и тѣмъ вліяніемъ, какое имѣлъ Шмидтъ. Послѣ короткаго об-стрѣла фортъ, въ которомъ заперлись бунтовщики, сдался и военно-полевой судъ докончилъ дѣло усмиренія. Въ тотъ же злополучный день на крейсерѣ «Память Азова» взбунтовалась часть команды. Къ величайшему стыду флота, всѣ офицеры судна бѣжали послѣ перва-го ружейнаго выстрѣла на берегъ, но были переранены во время бѣг-ства. Оставшіеся на борту вѣрные долгу матросы сами справились съ возставшимъ меньшинствомъ и сдали арестованныхъ прибывшему на-чальству. Наконецъ, 21-го іюля солдаты Самурскаго полка, квартировав-шаго на Кавказѣ, залпами убили часть офицеровъ, съ командиромъ полка во главѣ, послѣ чего стали раздавать населенію оружіе, призы-вая его идти съ ними «за Царя и Думу». Отрезвленіе и тутъ насту-пило быстро, и самурцы сами выдали зачинщиковъ. Одновременно мож-но насчитывать нѣсколько болѣе мелкихъ проявленій броженія въ арміи, при чемъ все указывало на то, что лозунги и распоряженія давались изъ одного центра—военнаго союза, рѣшившаго воспользоваться сим-патіями къ распушенной Думѣ, чтобы вызвать новую вспышку рево-люціи. И вотъ за этими-то попытками, произведенными въ дѣйстви-тельно благоприятствовавшей имъ атмосферѣ всеобщей растерянности, за политическими забастовками того же іюля (Москва и др.), и неуда-чей выборгскаго воззванія, открывалась окончательно та полоса, что начала обнажаться послѣ девятаго вала въ октябрѣ 905 года и кото-рую не замедлила занять реакція;—полоса утомленія. Первое время ре-акціонеры чувствовали себя еще не вполне свободно; воздухъ сохра-нялъ еще ту чистоту, что принесли съ собой грозы минувшаго полу-годія; поэтому возможно, что попытка къ компромиссу была искренней, и приглашеніе П. А. Столыпинымъ къ участію въ кабинетѣ такихъ дѣятелей, какъ гр. Гейденъ, Д. Н. Шиповъ, кн. Г. Львовъ, А. Гуч-ковъ и Н. Львовъ было слѣдено bona fide. Наивность такого шага об-наружилась, конечно, немедленно; никакого примиренія не могло быть; люди, подписавшіе отвѣтныи адресъ Гос. Думы, не могли войти въ

среду распустившаго ея кабинета безъ риска навсегда потерять свою политическую репутацію. Поэтому и слова правит. сообщенія, что «комбинація эта встрѣтила затрудненіе внѣ доброй воли правительства и самихъ общественныхъ дѣятелей» были сушею правдой и никакою оговорки въ нихъ не было. Дальше шло, впрочемъ, уже неосторожное подтвержденіе стремленій правительства «немедленно проводить» «въ предѣлахъ закона» «разумныя реформы». (Теперь, по истеченіи трехлѣтія, при наличности полной силы, подсчитать результаты этого и многихъ другихъ общаній было бы нетруднымъ дѣломъ). Шиповъ, Гейденъ и Львовъ поспѣшили пролѣтъ на природу переговоровъ съ ними путемъ писемъ въ редакціи газетъ, и изоляція бюрократизма была такимъ образомъ завершена окончательно. Оно вступало во власть подъ дурнымъ знакомъ: 18-го іюля, въ Теріокахъ, наемные убійцы, члены покровительствуемаго «союза русскаго народа», совершили убійство бывшаго депутата г. Москвы, М. Я. Герценштейна, быть можетъ одного изъ самыхъ мирныхъ, честныхъ и трудоспособныхъ членовъ парламента. Въ московской рептиліи «Маякъ» объ этомъ убійствѣ было оповѣщено часовъ за шесть до его совершенія, и безнаказанность убійцъ, которыхъ и доселѣ не удается привлечь in corpore, была истолкована не въ пользу кабинета, объявлявшаго о недопустимости «неосторожныхъ» дѣйствій. По всей вѣроятности союзъ совершалъ этимъ гнуснымъ актомъ только первый опытъ; но общее возмущеніе, открытые протесты оффиціозной иностранной прессы и закулисныя представленія остановили на время эту безобразную дѣятельность; второй актъ, убійство Г. Б. Юллоса, былъ уже провокаціей, за которую инициаторъ, Казанцевъ, и поплатился самосудомъ; стрѣлявшій въ Юллоса рабочій Федоровъ убилъ вскорѣ самого Казанцева; какъ извѣстно, Федоровъ воображалъ, что въ лицѣ Юллоса онъ уничтожаетъ измѣнника революціонному дѣлу. Тогда же начали сопоставлять эти черносотенныя убійства съ многочисленными случаями краснаго террора. Процессъ Половнева, Юскевича-Красковскаго и др., а также запросы третьей Думы по дѣлу Герценштейна до крайности обострили эти сопоставленія и въ нихъ истинная душа союза русскаго народа выступила безо всякихъ патріотическихъ прикрасъ. Здѣсь не мѣсто для разбора этихъ аналогій, тѣмъ болѣе, что полная несоизмѣримость должна быть ясна всякому непредубѣжденному уму. Судъ присяжныхъ зачастую выноситъ оправданіе убійцамъ, дѣйствовавшихъ въ состояніи запальчивости, и тяжело караегъ убійства предумышленныя и исполненныя твердой рукой прирожденнаго негодяя

Положеніе правительства было не изъ легкихъ. Невозможность начисто порвать съ началами октябрьскаго манифеста заставляла обращаться всегда на два фронта, и самая поворотливая голова должна бы

ла утомиться и избрать болѣе постоянное положеніе; такимъ и было привычное направленіе въ сторону репрессіи. Наивность вѣры въ испытанные по негодности приемы была бы трогательна, еслибъ приемы эти не отзывались такъ тяжко на обывательскихъ плечахъ. Главными средствами оставались обыски, аресты, высылки, ссылка, тюрьма и казни; арсеналъ обогатился лишь военно-полевой юстиціей, положившей какъ бы несмыаемый штемпель на кабинетъ П. Столыпина.

Обыски принимали всероссійскіе размѣры: роспускъ Думы, мятеж и выборгское воззваніе создали такой страхъ передъ всеобщимъ новымъ выступленіемъ противъ правительства, что не было, казалось, ни одного надежнаго угла, ни одного незаподозрѣннаго класса или профессіи. Крамолу искали въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, въ церквахъ, въ городск. и земскихъ, даже въ психіатрическихъ больницахъ, въ окружныхъ судахъ (обыскъ радомскаго окр. суда), въ высшихъ, средних и начальныхъ школахъ; чинамъ полиціи, встрѣчаемымъ нерѣдко пальбой, помогали кое-гдѣ союзники и даже члены партіи «правового порядка»; производились облавы на цѣлыя дома и кварталы (Варшава) и рѣшительно никто не былъ застрахованъ отъ непрошенныхъ гостей въ синихъ и черныхъ мундирахъ и штатскихъ платьяхъ; даже на улицахъ, при выходахъ съ собраній, публика рисковала быть обысканной, какъ то было на похоронахъ фонъ деръ-Лауница. Происходили и видимо добровольческія высылки въ родѣ того, что было продѣлано въ свое время сановнымъ Донъ-Жуаномъ у одного изъ иностранныхъ пословъ; такъ, у бывш. депутата Алкина, въ Казани, была похищена вся его переписка и стенограф. отчеты Думы. И т. д. Къ арестнымъ домамъ и тюрьмамъ тянулись по ночамъ вереницы экипажей и пѣшихъ группъ со всѣхъ концовъ городовъ, а на провинціальныхъ проселкахъ неумолчно звенѣли бубенцы подводъ съ тѣми же пассажирами. Все чаще наблюдались въ этой сферѣ тѣ самыя «неосторожности», отъ коихъ предостерегалъ П. Столыпинъ власть имущихъ. Арестовали группу лодзинскихъ фабрикантовъ въ девять душъ за уплату рабочимъ денегъ за забастовочные дни. Арестовывали гостей, собиравшихся у подозрительныхъ лицъ, въ родѣ почтеннаго старца, доктора Долженкова, въ Курскѣ, или пр. Бороздина въ Петербургѣ. Цѣлая комиссія въ Кинешмѣ, выбранная, съ вѣдома администраціи, по продовольственному вопросу, попала тоже подъ арестъ. Посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ инженеръ Скрябинъ, пожаловавшійся вологодскому губернатору на избіеніе союзниками за неснятіе имъ шапки передъ ихъ процессіей. Одинъ урядникъ ухитрился арестовать (въ самарской губ.) цѣлый санитарный отрядъ, выѣхавшій для оказанія помощи холерной больной: понятно, что боцная, не дождавшись, умерла, но менѣе понятно, что санитарка Ледомская оказалась избитой плетью. Арестовывали сразу по-много:

въ Вильнѣ—сходку въ 92 человекъ, въ Тифлисѣ сотнями, въ Лодзи тысячами; брали на дому и при случайныхъ визитахъ въ охранныя отдѣленія (Кранихфельдъ). Карался отказъ подать руку извѣстному ротмистру Будоговскому и быть можетъ новременскій столпъ, Меньшиковъ, пожалѣвъ, что не носить защитнаго голубого мундира послѣ отказа священника Гр. Петрова пожать предательскую руку. Въ этой массѣ обысковъ и арестовъ, которую мы лишь намѣтили, совершенно тонули немногіе реальные результаты, когда удавалось захватить типографію, списки адресовъ, оружіе, бомбы или опасныхъ лицъ. Характернымъ признакомъ движенія была именно его отвлеченность, такъ сказать, духовность; оппозиція была всюду, ею словно насыщенъ былъ самый воздухъ, но болѣе страшныя внѣшнія проявленія ея, какъ теперь достаточно установлено, были столько же дѣломъ рукъ убѣжденныхъ революціонеровъ, сколько и агентовъ-provokatorовъ, въ родѣ Азефа, Ландезена и другихъ, всѣмъ извѣстныхъ лицъ, пока еще продолжающихъ свою разрушительную дѣятельность. Поэтому, нареканія на внѣшнюю полицію въ значительной степени преувеличены или невѣрны; выполняя несвойственныя ей функціи, она не можетъ выработать себѣ чистоты пріемовъ, отличающихъ жандармскія и охранныя отдѣленія; это сказывается и на жертвахъ террора; въ то время, какъ чины полиціи занимаютъ первое, послѣ непричастныхъ лицъ, мѣсто по числу убитыхъ, жандармы находятся въ самомъ концѣ списка, хотя общее число пострадавшихъ чиновъ этого корпуса также было не мало; но гибли они почти всегда не при исполненіи служебныхъ обязанностей, тогда какъ офицеры внѣшней полиціи рисковали жизнью при схваткахъ съ революціонерами лицомъ къ лицу. Политическій сыскъ есть спеціальность, которая не всѣмъ одинаково дается, и общественное мнѣніе издавна съ недовѣріемъ и брезгливостью относится къ извѣстнымъ полицейскимъ профессіямъ. Въ этомъ же кроется и причина традиціоннаго антагонизма между внѣшней и внутренней полиціями.

Высылки послѣ роспуска Думы также были усилены и соотвѣтственно съ этимъ возросло и число «неосторожностей», тѣмъ болѣе, что чрезвычайные законы давали въ руки мѣстныхъ властей дискреціонныя права; къ тому же большинство времен. ген.-губернаторовъ принадлежало къ военному сословію, которому гражданскія правоотношенія всегда остаются въ значительной мѣрѣ чуждыми. Иногда городу угрожала опасность лишиться врача-спеціалиста по бактериологіи въ разгаръ эпидеміи (Одесса, высылка Діатроптова и Цвирко во время чумы; была приостановлена); иногда легализація общества не мѣшала высылкѣ его бюро (Петербургъ, союзъ извозчиковъ). Высылались здоровые и больные, старцы и подростки,—система дѣйствовала съ без-

страстностью, не оставлявшей желать лучшего, заполняя все дальше, и мы встречаемъ, наконецъ, приговоръ суда късылкѣ за разсылку кандидатскихъ списковъ во время предвыборной агитаціи (приговоръ по дѣлу Моравскаго въ Лохвицахъ). Гражданская свобода неукоснительно вводилась въ «закономѣрное русло», общанное правит. сообщеніемъ о неудачѣ комбинаціи съ общественными дѣятелями. По берегу этого русла высились все тѣ же красныя тюремныя стѣны и за ними скрывалась все та же многоактная драма, такая тихая и тяжелая. Несмотря на новыя ассигновки и приспособленіе подъ мѣста заключенія казармъ и полицейскихъ участковъ, мѣста не хватало, персонала также; и нота недовольства состояніемъ тюремъ звучала все рѣзче, фиксируя общественное вниманіе на этихъ домахъ скорби, занявшихъ въ русской жизни такое замѣтное мѣсто. Правительству, ступившему на путь репрессіи безъ определенной задачи свернуть съ него для широкихъ реформъ и полного исполненія манифеста 17-го октября, не оставалось ничего иного, какъ завинчивать прессъ до конца; поэтому суровыя правила о содержаніи арестантовъ смѣнялись еще болѣе суровыми, а безпорядки карались съ жестокостью, не укладывавшеюся ни въ какія рамки и переходившею верѣдко въ систематическія истязанія. Повторяемъ,—нельзя огуломъ обвинять тюремную администрацію: есть предѣлы нервному напряженію чловѣка, и пусть всякій поставитъ себя на мѣсто надзирателя, изо дня въ день шагающаго по асфальтовому коридору, отвѣчающаго и за шумъ, и за побѣгъ, и за самоубійства арестантовъ, прежде чѣмъ сравнивать его со звѣремъ. Корень зла лежитъ далеко внѣ тюремныхъ стѣнъ. Но и здѣсь убиваютъ сидящихъ на окнахъ и наводящихъ осколкомъ стекла «зайчика» на часового, убиваютъ за ослушаніе приказа слѣзть, за брань убиваютъ мужчинъ и женщинъ (Семенова и др.), убиваютъ съ полнымъ хладнокровіемъ, какъ какихъ-нибудь совъ (дѣло Тарасова). Послѣдумскій періодъ принесъ болѣе двадцати случаевъ убійства арестантовъ. Это снаружи. А внутри бьютъ и истязуютъ за тѣ же проступки, а иногда пытаются и убиваютъ безо всякой причины, какъ въ астраханской, напр., тюрьмѣ. Въ Вильнѣ 26 уголовныхъ потребовали прокурора, которому заявили, что подвергаются всякимъ истязаніямъ. Въ заявленіи 20 крестьянъ тамб. губ. говорится о пыткахъ и истязаніяхъ, которымъ они подвергаются въ козловской тюрьмѣ; ихъ избивали нагайками и желѣзными прутьями до потери сознанія, послѣ чего обливали водой и снова били. Въ петербургской одиночной тюрьмѣ были избиты въ камерахъ арестанты за жалобу на надзирателя Орлова. Въ харьковской тюрьмѣ на шумѣвшихъ арестантовъ надѣли горячечныя рубашки и били кулаками и каблуками до крови; избито около 25 чловѣкъ. Изъ вятской пришлось избитыхъ свезти въ больницу, одинъ

помѣшался. Въ севастопольской всѣ окна заколочены, за малѣйшіе протесты сѣкутъ розгами. Въ акагуйской бьютъ политическихъ; при переодрѣваніи 15 ссыльныхъ въ арестантское платье били прикладами, по приказу нач. тюрьмы Бородулина; потомъ онъ ввелъ въ тюрьму 60 солдатъ, приказавъ снова бить; полъ былъ залитъ кровью, били потерявшихъ уже сознаніе; 13 человекъ избиты основательно, двоихъ стащили за ноги и сбросили съ крыльца на камни. Бородулинъ просилъ разрѣшенія нач. каторги Метуса пороть политическихъ розгами. Нач. льговской тюрьмы совершаетъ насиліе надъ 16-лѣтней политической заключенной. Были извѣстія о пыткахъ въ Одессѣ, Кременчугѣ, Пинскѣ, Тамбовѣ, Казани, Вяткѣ, но все превзошли Рига и Астрахань. Въ Ригѣ 16 чел., изъ коихъ 10 было разстрѣляно, а трое сослано въ каторгу, подвергались до суда пыткамъ; били плетью, посыпали рубцы солью, покрывали тряпками и снова били. Потомъ топтали ногами (за недачу показаній). Вырывали волосы изъ головы и бороды, выбивали зубы. Тушили о тѣло папиросы и сигары. За два-три дня до истязаній переставали давать хлѣбъ и воду, а кормили исключительно сеledкой и сеledочнымъ расоломъ. Одному такъ повредили органы естественныхъ отпавленій, что послѣдніе не могли совершаться, и его нельзя было даже переправить въ тюрьму, — пришлось оставить въ сыскномъ отдѣленіи. Въ письмѣ къ роднымъ несчастный умоляетъ дать ему возможность покончить съ собой, такъ ужасны боли. Во время допроса ему заткнули ротъ прокламаціями, приговаривая: «почитай-ка теперь свои прокламаціи!» Товарищи не узнали одного изъ своихъ, такъ изуродовано было лицо. Подъ вліяніемъ пытокъ слабые оговаривали иногда невинныхъ. Въ астраханской тюрьмѣ были до смерти, исходя изъ того, что «однимъ стало меньше, надо ихъ сплавлять побольше». Врачъ покрылъ своимъ протоколомъ убійство, но виновные на этотъ разъ отправились на каторгу. Самоубійства въ тюрьмахъ все растутъ: Дорофеева давится косою, другіе сжигаютъ себя, обливая керосиномъ, а случается, что и жгутъ себя, и давятся одновременно (Христенко въ Елисаветградѣ). Въ московской тюрьмѣ Бердягинъ перервалъ себѣ горло отточенной чайной ложкой; когда пишущій эти строки отбывалъ заключеніе въ той же тюрьмѣ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, ложку чайную пришлось купить костяною, администрація опасалась теперь и ложекъ. По официальнымъ даннымъ за періодъ 1906—1908 года было 126 случаевъ самоубійствъ и покушеній на нихъ; заслуживаетъ еще стѣтки случай самоубійства 14 л. мальчика, подвергшагося насилію другого арестанта, оставленнаго безъ привлеченія къ суду (П.-Бургъ, «Кресты»). Понятно, что и случаи безпорядковъ, возмущеній въ тюрьмахъ также стали учащаться, равно какъ и побѣги; появляется въ нихъ и динамитъ, какъ по-

собіе побѣгу или орудіе мшенія начальству; въ Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Пензѣ, Тифлисѣ, Одессѣ, Иркутскѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Воронежѣ и Акатуѣ происходятъ наиболѣе выдающіеся бунты, подавляемые безпощадно (въ Ригѣ стрѣляли по запертымъ уже арестантамъ). Отношеніе администраціи къ явленіямъ тюремной жизни, здѣсь лишь бѣгло отмѣченнымъ, всегда почти одинаково: разслѣдованія выясняютъ вину арестантовъ, чины надзора дѣйствуютъ въ общемъ законно; исключеніе составляетъ рѣчь екатеринославскаго вице-губернатора въ камерѣ № 12 мѣстной тюрьмы въ декабрѣ 908 года: «Въ тюрьмѣ,— сказалъ онъ,— творятся странныя вещи. Я пріѣхалъ заявить вамъ, что впредь никакія избіенія и т. п. звѣрства въ тюрьмѣ допущены не будутъ. Вотъ онъ стоитъ здѣсь и слышитъ (виц.-губ. указалъ на нач. тюрьмы Федосова), и надзиратели слышатъ, что я говорю: повторенія звѣрствъ, которыя творились здѣсь, допущены мною не будутъ; у насъ слишкомъ много законныхъ средствъ противъ васъ, чтобы мы нуждались еще въ незаконныхъ и варварскихъ».

Нехватаетъ и военныхъ тюремъ (въ Московскомъ округѣ учреждается новая дисциплинарная рота), а про гражданскія и говорить нечего; одинъ изъ губернаторовъ, оффиціально благодаря начальника тюрьмы, въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ его заслуги по содержанію зданій, для характеристики которыхъ губернаторъ не жалѣетъ черныхъ красокъ, при этомъ видимо не задумываясь о мѣрахъ къ приведенію тюрьмы въ жилой видъ. Къ 1909 году сыпной и другіе виды тифа сдѣлались постоянными гостями русскихъ тюремъ, вмѣстѣ съ пауками и мокрицами; въ небольшой, сравнительно, калужской тюрьмѣ число тифозныхъ достигло одно время почти сотни; большая часть конвоя и надзирателей переболѣла и перемерла; больные долеживали въ камерахъ до потери сознанія, послѣ чего ихъ везли вповалку на дрогахъ въ земскую больницу; случалось даже, что вмѣсто конвойныхъ вели лошадей арестанты же, такъ какъ конвойные хворали. Въ кандалахъ умирали они, въ кандалахъ и хоронили сначала, потомъ стали сбивать съ мертвыхъ. Тифозные предстоятъ и суду, приходится откладывать дѣла, возлагая расходы на молчащую тюремную администрацію (Кіевъ). Къ сожалѣнію, во всѣмъ этимъ тюремнымъ настроеніямъ примѣшивается и «политика»; уголовные арестанты, въ общемъ относящіеся къ политическимъ дружелюбно, подвергаются кое гдѣ пропагандѣ иныхъ взглядовъ, и случаи избіеній «политическихъ», даже убійствъ, зарегистрированы печатью; слухи о вліяніи въ данномъ случаѣ мѣстнаго тюремнаго начальства всегда сопутствуютъ отчетамъ объ избіеніяхъ, рѣдко, впрочемъ, принимая оффиціозный характеръ; только казанскіе уголовные вызвали своевременно прокурора и заявили ему, что пом. нач. тюрьмы Горемыкинъ и